

Всё дальше уходит война в невозвратное прошлое. Но по-прежнему жива память о ней в сознании, сердцах, душах советских людей. В самом деле, как можно забыть наш беспримерный подвиг, наши невосполнимые утраты, понесённые во имя победы над самым коварным и жестоким врагом — гитлеровским фашизмом? Четыре военных года по концентрации прожитого равносильны десяткам лет.

С неотвратимостью редуют ряды ветеранов, тех, кто прошёл войну и мог бы подробно поведать о ней людям. Журналисты-фронтовики решали благороднейшую задачу — сохранить для будущих поколений, навечно запечатлеть кардинальные моменты истории народа. Действительно, всеми видами литературы, искусства создано немало замечательных произведений, которые явятся надёжным свидетельством о Великой Отечественной войне на многие грядущие годы.

Среди самых ярких впечатлений прошлого участники войны хранят воспоминания о том, с каким нетерпением ожидалась в блиндажах и на огненных позициях, в наших пылающих городах и штурмовых подразделениях на подступах к Берлину полевая почта, с какой радостью встречали танкисты и связисты, артиллеристы и сапёры, лётчики и моряки свежий номер центральной или армейской газеты, скромный листок «дивизионки», как поднимало и окрыляло их правдивое, взволнованное, суровое, страстное журналистское слово. Не случайно поэт Александр Жаров сказал:

Вместе жили, Родине служили
Острое перо и автомат.
Фронтовую дружбой дорожили
Журналист, писатель и солдат.

Сохранилось немало прямых и косвенных свидетельств героического, напряжённого труда фронтовых журналистов. «День на передовой, вечер в пути, ночь в землянке, где при тусклом свете коптилки писались стихи, очерки, заметки, статьи. А утром всё это читалось в полках и на батареях», — так характеризовал фронтовую жизнь журналистов поэт Алексей Сурков. Они поистине сумели приравнять к боевому штыку не менее разящее оружие — острое боевое перо.

Константин Михайлович Симонов

(1915—1979)

Шесть раз лауреат Сталинской премии; опальный редактор «Нового мира», напечатавший первые предперестроечные произведения, в том числе «Не хлебом единым» В. Дудинцева; бесстрашно летавший на бомбёжки Берлина, ходивший на боевой субмарине офицер без страха и упрёка.

Начало войны потрясло его и наложило отпечаток на всё последующее творчество. Он сразу же отправился на фронт и на протяжении всей войны работал в качестве корреспондента газеты «Красная звезда». «Ради нескольких строчек в газете» Симонов переезжал с фронта на фронт, от Чёрного до Баренцева моря. И каждый раз, когда он оказывался в Москве, диктовал стенографистке всё новые и новые записи, сделанные во время переездов или коротких передышек между сражениями. В пятидесятые годы на основании этих расшифрованных записей появилась трилогия «Живые и мёртвые». Это произведение тогда было принято как настоящая сенсация, и не только потому, что Симонов одним из первых осмелился на широкое эпическое повествование о недавних военных событиях. О войне можно написать по-разному. Симонов, ярко и беспристрастно описывая первые дни войны, передал горькую правду о том, какой ценой досталась народу победа и сколько было напрасных жертв. Устами своего героя, генерала Серпилина, он впервые в литературе рассказал о репрессиях, которым подверглась армия перед началом войны и о которых не только в то время, но и много позже предпочитали молчать. Люди, прошедшие войну, плакали, читая это произведение, потому что узнавали то, что с ними тогда происходило. Но от этого их победа в войне казалась ещё более значительной и по-настоящему великой. Трилогия «Живые и мёртвые» стала тогда настоящим событием во всей литературе о войне. А Симонов в очередной раз доказал своё бесстрашие и утвердил право писателя не лгать и не изворачиваться.

По первой части романа был снят одноимённый художественный фильм на Московской ордена Ленина киностудии в 1964 году, режиссёр Александр Столпер. Премьера состоялась двадцать четвёртого февраля 1964 года. В 1967 году А. Столпер снял продолжение фильма «Живые и мёртвые» — «Возмездие».

Секретарь Союза писателей, много раз каявшийся в своих ошибках, которые на самом деле были его лучшими

гражданскими поступками. Автор первой восторженной рецензии на «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Написал многие страницы прозы, которые станут правдивым документом истории. О своей жизни Симонов поведал в книге «Глазами человека моего поколения». В его жизни было немало ошибок и немало разочарований, но он сумел сохранить мнение о себе как о порядочном человеке и потому не остался в истории культуры предателем или конформистом. Художественные взлёты Симонова принадлежат всё-таки его поэзии. Лучшее, что сделал Симонов,— стихи «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...» и «Жди меня». Они никогда не умрут.

Перед смертью Константин Михайлович попросил исполнить его последнюю волю. Он хотел навсегда остаться с теми, кто погиб в первые дни войны, поэтому его прах был развеян по полю неподалёку от Бобруйска.

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...

А. Суркову

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, их к груди,
Как слёзы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: — Господь вас спаси! —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, всё-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,

Со вдвоей слезою и с песнею женскою
Впервые война на просёлках свела.

Ты помнишь, Алёша: изба под Борисовом,
По мёртвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьём,
Ты помнишь, старуха сказала: — Родимые,
Покуда идите, мы вас подождём.

«Мы вас подождём!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождём!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алёша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока ещё милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я всё-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

Николай Константинович Доризо
(1923—2000)

Из семьи служащего. В годы войны работал военным журналистом. В 1945—1948 годах учился на истфаке Ростовского университета. Печататься начал с 1938-го. Первый сборник стихов «На родных берегах» вышел в Ростове в 1948-м.

Много песен в народе на его стихи: «Взрослые дочери», «Песня о любви» (из кинофильма «Простая история»), «Улицы воспоминаний» (из телевизионного фильма «Моя судьба»), «Красавица Прага» (из кинофильма «Майские звёзды»), «Огней так много золотых» и «Песня Матвея» (из кинофильма «Дело было в Пенькове») и много-много других замечательных песен.

Знаменита его песня, поющая до сих пор:

Огней так много золотых...

Огней так много золотых
На улицах Саратова.
Парней так много холостых —
А я люблю женатого...

Эх, рано он завёл семью!
Печальная история!
Я от себя любовь таю,
А от него — тем более.

Я от него бежать хочу,
Лишь только он покажется:
А вдруг всё то, о чём молчу,
Само собою скажется?

Его я видеть не должна —
Боюсь ему понравиться.
С любовью справлюсь я одна,
А вместе нам не справиться!

Алексей Александрович Сурков

(1899—1983)

Во время Гражданской войны был пулемётчиком. Об этом времени он написал сильные стихи, где «нежность проявляют пулей». Преподавал в Литинституте, был редактором в журнале «Новый мир» в 1940 — 1941 годах. Военный корреспондент в Великую Отечественную, спецкор в газете «Боевой натиск», в 1941 — 1945 годах трудился во фронтовой газете «Красноармейская правда». Во время войны Сурков написал знаменитое стихотворение, яростно призывающее к отмщению: «Вам не дождаться с востока, вам не встречать сыновей». Были известны также песни Суркова «Конармейская», «Песня смелых» («Смелыми Сталин гордится...»), «В смертном ознобе», Но самой известной и любимой остаётся песня «Бьётся в тесной печурке огонь».

Бьётся в тесной печурке огонь...

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.

Александр Трифонович Твардовский (1910—1971)

Одна из крупнейших литературных и общественных фигур сталинского, а затем хрущёвского и брежневского периодов истории нашей страны. На его судьбе, на его взглядах в произведениях — непростой, мучительный перелом времени. Воспевая коллективизацию, Твардовский всю жизнь таил в своей душе так и не зарубцевавшуюся рану: его семья, жившая на хуторе Загорье Смоленской области, была раскулачена. Но именно эта боль придавала впоследствии таланту Твардовского такую гражданскую силу и горечь. Если Симонов создал офицерскую антологию войны, то Твардовский в своём «Василии Тёркине» — антологию солдатскую.

В 1939 году поэт заканчивает МИФЛИ — Московский институт философии, литературы и истории. И его призывают в армию. В то время он ещё не знал, что снимет шинель только после Победы. За шесть лет своей армейской жизни Твардовский прошёл несколько войн. Он принимал участие в походе Красной Армии в Западную Белоруссию, после этого — в финской войне и, наконец, в Великой Отечественной. С 1940 года и до самой Победы поэт не прерывает своих литературных занятий и работает над «Фронтовой хроникой». Её герой — ещё не солдат, а тот же крестьянин, волей судеб попавший на войну. Из этого цикла и выросла поэма «Василий Тёркин». Её замысел возник у Твардовского ещё во время финской войны, когда он вместе с группой других писателей, работавших в газете «На

страже Родины», решил завести в газете «уголок юмора» и придумал фельетонный персонаж — Васю Тёркина, который имел у бойцов огромный успех. Но только пройденные им тяжёлые военные дороги превратили Тёркина в настоящего народного героя. Новая поэма Твардовского заслужила похвальный отзыв даже такого взыскательного критика, как И. А. Бунин.

Военные впечатления легли в основу и следующей поэмы Твардовского — «Дом у дороги», которая вышла в 1946 году. В противоположность «Тёркину» в ней звучит мотив неизбывной печали и скорби о потерях. В том же 1946 году поэт создаёт своеобразный реквием погибшим — стихотворение «Я убит подо Ржевом».

В послевоенное время Твардовский продолжает работать над крупными произведениями и создаёт свою главную в этот период поэму — «За далью — даль». С 1954 года он начинает работать над следующей своей поэмой — «Тёркин на том свете», пародийным продолжением «Василия Тёркина», которую заканчивает в 1963 году. Она была опубликована и получила первые отзывы, но потом о ней замолчали, как будто её и не существовало. Аналогичная судьба постигла и другую поэму Твардовского — «По праву памяти», которая была завершена в 1969 году, но в СССР опубликована лишь в 1987 году. Понимая, что рассказать правду о прошлом ему не дадут, Твардовский прекратил работу над этой поэмой. Последние годы он посвятил лирической поэзии.

В 1950 году Твардовский был назначен главным редактором журнала «Новый мир», но уже через четыре года его сняли, а ещё через четыре, в 1958 году, вернули обратно. Под его руководством журнал стал колыбелью тогдашнего народничества, было опубликовано первое произведение о сталинских лагерях — «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, Твардовский добивался и публикации его романа «Раковый корпус». Печатались очерки, говорящие о подлинном, трагическом положении современной деревни. Номера «Нового мира», останавливаемые цензурой, порой задерживались на два-три месяца.

Несмотря на то, что Твардовский и сам имел немалую власть и влияние (был членом правления Союза писателей СССР и кандидатом в члены ЦК КПСС), ему постоянно приходилось испытывать на себе всё усиливающееся давление консервативных сил. В 1970 году он был в очередной раз снят с должности главного редактора, да и сама редакция подверглась фактическому разгрому. Всего через полтора года после этого поэт умер.

Твардовский был редким большим поэтом без стихов о любви. Но вся его поэзия была исповедью в мучительной и чистой любви к своему народу. И почти каждый человек знает на память хоть несколько строчек из его поэмы «Василий Тёркин»:

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода,—
Ни приметы, ни следа...

Есть имена, и есть такие даты,—
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты,—
Не замолить по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.

Юрий Поликарпович Севрук

(1912 — 1944)

Поэт, добровольцем ушёл на фронт в 1941 году. Погиб на поле боя шестнадцатого сентября 1944 года под эстонской деревней Тывра.

Когда-то Юрий, увидев умиравшего друга, записал в походной тетради:

...И заглянул в глаза ему,
Открытые глаза бойца.
Их строгий взор был так глубок,
Такая ясность в них была,
Что я весь мир увидеть мог,
Как на поверхности стекла.
В прозрачных струйках родника
Не отразились бы полней
Деревья, травы, облака
И небо Родины моей...

Такую же глубокую ясность во взоре автора этих лично им выстраданных строк видело в то хмурое осеннее утро опалённое войной небо Прибалтики.

Юрий был истинным воином. Делил с солдатами последний табак, «угощал» их новыми стихами, которые тут же, наскоро переписанные, отсылались невестам и жёнам.

Осенью 1943 года разгорелись бои за Днепр. Военный корреспондент Севрюк находился в боевых порядках наступивших войск, оперативно снабжал редакцию корреспонденциями о героях фронтовых будней.

В одном из сражений пал смертью храбрых командир батальона. Вышел из строя его заместитель. Юрий, не раздумывая, бесстрашно повёл солдат в атаку. Однако и сам вскоре получил ранение. В госпитале ему вручили орден Красного Знамени.

В Союз писателей Севрука приняли заочно, учитывая его занятость на фронте. Вместо традиционных трёх рекомендаций поступило восемь. Да каких! От И. Эренбурга, А. Твардовского, Б. Горбатова, П. Антокольского, С. Щипачёва, которые характеризовали Юрия Севрука как серьёзного, умного, честного журналиста.

В годы Великой Отечественной войны газета 52-й армии «Боевая красноармейская» напечатала стихи Юрия, которые публикуются ниже.

Клятва

Нашей битве — святой и правой —
Не померкнуть в дали времён.
На века прошумела слава
Опалённых огнём знамён.
Тяжкий опыт войны изведав,
Во сто крат стал сильнее народ,
Школой мужества и победы
Был для каждого этот год.
Всем, что дорого нам и свято:
Счастьем нашей родной страны,
Кровью павшего в схватке брата,
Жизнью матери и жены,
Боевой воронёной сталью,
Что разила врага не раз, —
Мы клянёмся: в бою не устанем,
И никто не уступит из нас!
Мы победу в бою добудем,
Вспашем выжженные поля,
И вздохнёт облегчённо грудью
Оживающая земля.

Всеволод Александрович Рождественский
(1895—1997)

Учился в Царском Селе, в гимназии, где директорствовал Иннокентий Анненский. Тесно общался с Максимом Горьким, дружил с Александром Блоком, который привлёк его к работе в издательстве «Всемирная литература». Участник Гражданской войны. В Великую Отечественную войну был корреспондентом фронтовых газет. Первая книга стихов «Гимнастические годы» вышла в 1914 году. Автор либретто опер «Декабристы», «Помпадуры», «Заря над Двиной». Оставил книгу воспоминаний.

Белая ночь

(Волховский фронт)

Средь облаков, над Ладогой просторной,
Как дым болот,
Как давний сон, чугунный и узорный,
Он вновь встаёт.
Рождается таинственно и ново,
Пронзён зарёй,
Из облаков, из дыма рокового
Он, город мой.
Всё те же в нём и улицы, и парки,
И строй колонн,
Но между них рассеян свет неяркий —
Ни явь, ни сон.
Его лицо обожжено блокады
Сухим огнём,
И отблеск дней, когда рвались снаряды,
Лежит на нём.
.....
Всё возвратится: Островов прохлады,
Колонны, львы,
Знамёна шествий, майский шёлк парада
И синь Невы.
И мы пройдем в такой же вечер кроткий
Вдоль тех оград
Взглянуть на шпиль, на кружево решётки,
На Летний сад.
И вновь заря уронит отблеск алый,
Совсем вот так,
В седой гранит, в белёдые каналы,
В прозрачный мрак.

О город мой! Сквозь все тревоги боя,
Сквозь жар мечты,
Отлитым в бронзе, с профилем героя
Мне снишься ты!
Я счастлив тем, что в грозные годы
Я был с тобой,
Что мог отдать заре твоей свободы
Весь голос мой.
Я счастлив тем, что в пламени суровом,
В дыму блокад
Сам защищал — и пулею, и словом —
Мой Ленинград.

Михаил Александрович Дудин
(1916—1994)

Окончил Ивановскую текстильную школу ФЗУ. Работал журналистом в ивановских газетах. Участвовал в финской войне. Затем был военным корреспондентом на войне с фашизмом, на Ленинградском фронте. Лучшая книга фронтовых стихов «Переправа», где был такой шедевр, как «Соловьи», появилась сразу после войны. Однако, как и многие фронтовые поэты, выдержавшие испытание Великой Отечественной, Дудин не выдержал испытания холодной войной. Эта война уже не давала возможности быть искренним и печатаемым. Ждановские атаки против Ахматовой и Зощенко были как серьёзное предупреждение всем другим писателям. Фронтовые поэты, в том числе и Дудин, уходили в официальную риторику или в лучшем случае — в переводы.

И нет безымянных солдат

Гремят над землёю раскаты.
Идёт за раскатом раскат.
Лежат под землёю солдаты.
И нет безымянных солдат.

Солдаты в окопах шалели
И падали в смертном бою,
Но жизни своей не жалели
За горькую землю свою.

В родимую землю зарыты,
Там самые храбрые спят.

Глаза их Победой закрыты,
Их подвиг прекрасен и свят.

Зарница вечерняя меркнет.
В казарме стоит тишина.
Солдат по вечерней поверке
В лицо узнаёт старшина.

У каждого личное имя,
Какое с рожденья дают.
Равнясь незримо с живыми,
Погибшие рядом встают.

Летят из далёкого края,
Как ласточки, письма любви.
Ты вспомни меня, дорогая,
Ты имя моё назови.

Играют горнисты тревогу.
Тревогу горнисты трубят.
Уходят солдаты в дорогу.
И нет безымянных солдат.

Юрий Алексеевич Инге

(1925—1941)

С 1922 по 1930 год работал на заводе «Красный треугольник» в Ленинграде чернорабочим и резинщиком. Участвовал в финской войне. Во время Великой Отечественной был корреспондентом газеты «Красный Балтийский флот». Погиб на корабле «Вольдемарас» под Кронштадтом в августе 1941-го.

Гранитный дом снарядами пронизан,
Навылет — окна, этажи — насквозь,
Как будто смерть взобралась по карнизам
И через крышу вколотила гвоздь.

Торчали кверху рёбра перекрытий
По вертикали срезанной стены,
И мир житейских маленьких событий
Стоял открытым с внешней стороны.

Руины вдруг разрушенного быта,
Судьба людей теперь уже не в них;

Дом был как чей-то в спешке позабытый,
На полуслове прерванный дневник.

И мёртвых тел обугленная масса
Ещё валялась в разных этажах,
И неизвестной женщины гримаса
Рассказывала, что такое страх.

Она лежала, свесясь головою
Над чёрной бездной битого стекла,
Она повисла вдруг над мостовую
И закричать, наверно, не смогла.

Её лицо, забрызганное кровью,
Уже лишилось линий и примет,
Но, как живой, стоял у изголовья
Её весёлый, радостный портрет.

И всем, кто видел скрюченное тело,
Казалось вдруг, что женщина тепла,
Что карточка от ужаса темнела,
А мёртвая смеялась и жила.

Ноябрь 1940

Б. Фрумгарц

(военный журналист, из его воспоминаний)

«Я хочу рассказать о необычном поезде. На войне их было мало. И всё-таки они сыграли свою роль в нашей общей победе над коварным врагом.

Речь пойдёт о поезде-редакции фронтовой газеты „Красная Армия“. Многие большие и маленькие станции, неизвестные полустанки служили для нас домом в годы Великой Отечественной войны: Тернополь — Киев — Прилуки — Гребёнка — Ромодан — Полтава — Харьков — Куньянск — Воронеж — Саратов — Сталинград — Эльтон — Камышин — Елец — Конотоп — Гомель — Минск — Брест — Лодзь — Берлин. „Красная Армия“ в разное время являлась газетой Юго-Западного, Сталинградского, Донского, Центрального, 1-го Белорусского фронтов.

Почти год поезд находился на запасном пути станции Киев-Товарный. Редакция работала в своём помещении на Печерске, а инженеры-полиграфисты и ремонтные железнодорожные бригады готовили поезд к длительным пробегам в тяжёлых условиях: устанавливали новое оборудование, создавали элементарные удобства для сотрудников редакции и типографии.

...Шесть утра 22 июня 1941 года. Собрались не только офицеры, но и вольнонаёмные. Люди угрюмы, немногословны. Война... Бои под Львовом, Перемышлем. Советские воины мужественно защищают каждую пядь родной земли. Разгорелись ожесточённые схватки с противником в местах, откуда мы, журналисты, совсем недавно передавали материалы о тактических учениях наших войск...

Редактор газеты полковой комиссар И. И. Мышанский, вернувшись из штаба округа, накоротке провёл совещание. „Наша новая база — поезд,— сказал редактор.— Начальнику издательства получить для личного состава винтовки, патроны, гранаты“.

Началась фронтовая жизнь. В семи классных вагонах разместились цехи типографии: ротационный, линотипный, плоскопечатный, переплётный, цинкография, электростанция. Кроме того, имелся мягкий вагон, в нескольких товарных хранились запасы бумаги, химикатов, один приспособили под кухню и столовую.

Газету верстали в центре линотипного цеха-вагона. В цехе, поначалу свободном, постепенно становилось теснее. Объяснялось это тем, что если в первый год войны „Красная Армия“ издавалась только на русском языке, то впоследствии выпускались номера на молдавском, азербайджанском, грузинском, казахском, узбекском, татарском языках. Для каждой редакции требовались линотип, места для вёрстки, читки корректуры, для машинистки. Можно себе представить, что творилось в цехе во время вёрстки. Трудились дружно, организованно, газеты выходили по графику.

„Кабинет“ редактора располагался в купе плоскопечатного цеха. „Осваивая“ поезд, мы терялись в догадках: зачем понадобились плоскопечатный и переплётный цехи? Жизнь рассеяла наши недоумения: здесь рождались листовки, памятки, брошюры, столь необходимые войскам.

В разное время в редакции работали А. Твардовский, А. Безыменский, С. Головановский, С. Вашенцев, А. Довженко, В. Кондратенко, Б. Палийчук, Ю. Чёрный-Диденко, М. Розенфельд. Активно сотрудничали А. Корнейчук, В. Василевская, А. Мальшко, Иван Ле, Л. Первомайский.

За поездом непрерывно охотились фашистские стервятники. Серьёзное испытание выпало нам ещё в Гребёнке. Прибыли сюда ночью. Не успели разогреть линотипы, как началась бомбёжка. Быстро выключили электростанцию. В вагонах погас свет. С винтовками, гранатами заняли боевые места...

Работали мы и почтальонами. Под вражеским огнём ежедневно перебираясь на левый берег Волги, журналисты приносили в город связки газет. Раздав их в частях, вторично возвращались на левый берег, чтобы отослать самолётом материалы для очередного номера. Сотрудники редакции почти не отлучались из частей. Газета продолжала печататься на колёсах. А корреспонденты шли вперёд.

Большим праздником для всех нас стало 25 марта 1944 года: был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении „Красной Армии“ орденом Красного Знамени „в ознаменование 25-й годовщины... и за успешную работу по военному, политическому и культурному воспитанию личного состава войск фронта“.

Трудно передать душевный подъём, охвативший коллектив редакции. У каждого крепло желание трудиться лучше, ярче освещать героические дела советских людей на фронте и в тылу, отдавать своей любимой газете все свои силы».

Вскоре на страницах газеты появилось стихотворение сотрудника редакции поэта Б. Палийчука: «Я — солдат Советского Союза»:

Знаю я: за гранью рубежей
По моим делам, моим поступкам
Судит мир о Родине моей.
Я клянусь тебе, моя Отчизна,
Что в огне, в пороховом дыму
Ты не скажешь слова укоризны
Воину и сыну твоему.
Эту гордость сохранию повсюду
На дорогах памятной войны.
Где бы ни был, я достойным буду
Представителем моей страны.

Двадцать второе октября — Праздник белых журавлей в Дагестане. Учреждён **Расулом Гамзатовым** как праздник поэзии и в память о павших на полях сражений во всех войнах.

Журавли

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,

Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времён тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?
Сегодня, предвечернею порою,
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определённым строем,
Как по полям людьми они брели.
Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?
Летит, летит по небу клин усталый —
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый —
Быть может, это место для меня!
Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликаая
Всех вас, кого оставил на земле.

Расул Гамзатов